

Методологические проблемы психологии в начале XXI века

Анализируется ситуация кризиса в современной психологической науке, констатируется его методологический характер. Делается вывод о том, что причины различных симптомов кризиса психологии коренятся в узком понимании ее предмета, что препятствует осуществлению интегративных процессов, в которых так нуждается психология в начале XXI века. Показано, что прообразом нового понимания предмета может стать трактовка «психе» в юнговской аналитической психологии. Подобного рода понимание способно послужить «ключом» к преодолению кризиса, т.к. оно является необходимым условием разработки содержательной методологии психологии, направленной, в частности, на интеграцию психологического знания.

Ключевые слова: кризис в психологии, методология психологической науки, предмет психологии, аналитическая психология, экспериментальная психология.

Многих представителей психологического сообщества волнует вопрос: что является собой научная психология, вступившая в XXI век, находится она в кризисе или, напротив, с уверенностью смотрит в будущее. Конечно, психология не столь однородна, чтобы в отношении ее дать прямолинейные и однозначные ответы на поставленные вопросы, тем более, что ряд перспективных тенденций в ней давно уже существуют и активно разрабатываются (хотя и не стали господствующими). В то же время многое в психологической науке сегодняшнего дня, по сути, уже принадлежит прошлому. Для психологии, которая не столь жестко парадигмальна, как, скажем, естественные науки (хотя наличие неукоснительно признаваемых парадигм и в них многими сегодня оспаривается), очень важен «вектор» поисков и ожиданий.

Существующее мнение о сегодняшней психологии как находящейся в кризисе встречает возражение: утверждается, что она интенсивно развивается как академическая наука, о чем свидетельствуют выходящие тысячи томов монографий, сотни научных журналов, проходящие многочисленные конференции, симпозиумы и конгрессы и т.п. Как практически ориентированная область знания психология востребована социумом, а услуги психологов хорошо оплачиваются. Таким образом, есть продукция и востребованность, поэтому следует уточнить: когда психологи говорят о кризисе — речь идет именно о научной психологии.

Как любая наука, призванная адекватно объяснять свой предмет, психология претендует на создание теории психического. И, будучи честной перед собой, она признает: модели, которые она продуцирует, пока весьма далеки от того, чтобы дать непротиворечивую картину психической жизни человека во всей ее полноте и сложности. Если оказывается, что наука ее упрощает, подвергает редукции, сводит к каким-то частным проявлениям, то именно это обстоятельство и заставляет говорить о наличии кризиса в психологии². В этом смысле не подлежит сомнению кризис современной психологии, даже учитывая достижения и наработки во всех ее областях и отраслях. Кроме того, фиксация кризиса является дополнительным стимулом, корректирующим направление развития научной психологии.

² Чтобы избежать возможных недоразумений, заметим, что речь вовсе не идет о создании какой-то единой глобальной теории, которая бы «отменила» ныне существующие. Как проницательно заметил в свое время К. Г. Юнг, «время глобальных теорий в психологии еще не пришло». Современная психология страдает (об этом в первую очередь свидетельствует кризис) от взаимного непонимания психологов, принадлежащих различным направлениям и школам, а также от отсутствия содержательной конструктивной коммуникации.

В периоды кризисов, как это хорошо известно, оказываются наиболее востребованными методологические знания, так как только основанный на них анализ позволяет понять глубинные причины сложившейся ситуации и обозначить направление выхода из нее. Ж. Пиаже отмечал: «Науки более развитые, чем наша, уже давно пришли к пониманию того, что успехи науки в периоды ее кризисов обычно связаны с ретроактивной критикой употребляемых понятий, следовательно, с внутренней (и независимой от философии) эпистемологической критикой» [20, с. 189]. Суть в том, чтобы кризис стал плодотворным.

Кризис в психологии и его формы

К началу XXI в. появились суждения об очередном кризисе в психологии. Е. Д. Хомская констатирует «наличие методологических трудностей в различных областях психологии» [27, с. 113]. В комментарии к ее статье фиксируется «ситуация методологического кризиса, сложившаяся в отечественной психологии за последние годы» [19, с. 125]. В отклике на статью Е. Д. Хомской Н. И. Чуприкова утверждает, что соглашается в целом с поставленным диагнозом, отмечая наличие «очередного методологического кризиса, возникшего в отечественной психологии в связи с новой социальной и внутриспсихологической ситуацией (в частности, вследствие широкого распространения психоанализа, психотерапевтической практики и идей гуманистической психологии)» [28, с. 126].

С тем, что в современной психологии существуют «острые теоретические и методологические трудности и противоречия», был согласен и В. В. Давыдов [10, с. 127]; об этом же писали в последние годы К. А. Абульханова [2], А. В. Брушлинский [4], В. П. Зинченко [12], О. К. Тихомиров [25] и мн. др. Кризис в психологии зафиксирован и зарубежными авторами [36, 8 и др.]. В этой связи вспоминается также знаменитый «открытый кризис» в психологии, описанный и проанализированный К. Бюлером [35] и Л. С. Выготским [7], К. Левином [38] и С. Л. Рубинштейном [22, 23].

Если же пойти в глубь истории, то окажется, что даты возникновения кризиса совпадают со временем самого становления научной психологии. Об этом писал еще в 1914 г. Н. Н. Ланге: «Кто знаком с современной психологической литературой, с ее направлениями и тенденциями, особенно в отношении принципиальных вопросов, не может, я думаю, сомневаться, что наша наука переживает ныне тяжелый, хотя и крайне плодотворный, кризис. Этот кризис, или поворот (начало которого можно отнести еще к 70-м гг. прошлого столетия), характеризуется, вообще говоря, двумя чертами: во-первых, общей неудовлетворенностью той прежней доктриной или системой, которая может быть названа, вообще ассоциационной и сенсуалистической психологией, и, во-вторых, появлением значительного числа новых попыток углубить смысл психологических исследований, причем обнаружилось, однако, огромное расхождение взглядов разных психологических направлений и школ» [16, с. 69]. Н. Н. Ланге определил и основной признак кризиса: реально работал критерий «огромного расхождения» («отсутствия общепринятой системы в науке»); если оно существует, то психология не имеет «основы», «фундамента» [там же].

За сорок лет до этого Ф. Brentano в работе «Психология с эмпирической точки зрения» (1874) писал: «Не столько в разнообразии и широте мнений, сколько в единстве убеждений испытывает сегодня психология острую нужду. И здесь мы должны стремиться приобрести то же, чего — одни раньше, другие позже — уже достигли математика, физика, химия, физиология; нам нужно ядро признанной всеми истины, которое в процессе взаимодействия многих сил затем быстро обрстет новыми кристаллами. На место психологии мы обязаны поставить психологию» [3, с. 11]. Вероятно, под этими словами могли бы подписаться многие научные психологи и в начале третьего тысячелетия. Если принципиально ситуация не изменилась за сто тридцать лет (для науки срок немалый), то это можно рассматривать как симптом глубокого внутреннего неблагополучия в психологии.

И это не только наша оценка. Современные американские авторы вполне обоснованно утверждают, что «сегодня психология еще более неоднородна, чем сто лет назад, и кажется, мы как никогда далеки от того, что хоть как-нибудь напоминало бы согласие относительно характера психологии... В конце [XX] столетия нет никакой единой системы, никаких единых принципов для определения психологической дисциплины и ведения исследований... Психология... представляет собой не единую дисциплину, но собрание нескольких различных ветвей... Американская психология разделена на враждующие фракции» [29, с. 33].

Таким образом, нынешний кризис в психологии в конце второго тысячелетия глобален, объемён, интернационален и многопланов. В России он переживается острее в силу особенностей нашей социокультурной ситуации. Его проявления можно усмотреть в самых разных плоскостях. Каковы же основные, наиболее существенные проявления кризиса? Их можно определить в первую очередь как глубокую диссоциацию (буквально: «разъединение», «разделение»; термин, широко используемый ныне в разных школах психиатрии и психотерапии).

Она обнаруживается, во-первых, в традиционной для психологии кризисной симптоматике, когда отсутствует единый подход: нет основы, объединяющего начала — «Психологии много, нет психологии». Идет борьба между психологией объективной и субъективной, объяснительной и понимающей, материалистической и спиритуалистической, поведенческой и психологией сознания и т.д. В настоящий момент она наиболее ярко выражается в противостоянии естественнонаучного и герменевтического (гуманистического) подходов (см. подробнее [8]).

Во-вторых, наблюдается противопоставление научной (академической) психологии и психотехник (практической психологии) (см. подробнее [6]): психологическая практика, как это ни печально, чаще всего исходит из каких угодно «теорий», но только не из концепций научной психологии. Разрыв между теорией и практикой в психологии, существовавший в двадцатые годы (о нем писал Л. С. Выготский в 1927 году), ныне углубился и превратился в глубокую пропасть — в первую очередь, по причине многократного увеличения масштабов психологической практики.

В-третьих, наблюдается разрыв между научной психологией и техниками, ориентированными на углубленное самопознание (от мистики и эзотерических учений до современной трансперсональной психологии и т.п.). Человек, интересующемуся познанием Я, ищущий свой духовный путь, обращается не к научной психологической литературе, — эта «ниша» прочно занята специалистами, далекими от научной психологии. И литература, и поэзия и философия дадут в этом отношении существенно больше, чем научные психологические труды.

В-четвертых, полнее обнажается различие между психологией западной и восточной. Действительно восточные учения в XX столетии стали постоянной составляющей интеллектуальной жизни западного общества. Но на научную, академическую психологию они не оказали практического влияния. В значительной степени ассимилировавшая опыт восточной психологической мысли трансперсональная психология до сих пор фактически не признана официальной наукой.

В результате этих диссоциаций (перечень можно продолжить) «пострадавшей» стороной оказывается именно научная психология, так как происходит постепенное сужение ее пространства, а многие проблемные поля «уступаются» разного рода «практическим психологам», среди которых немало откровенных шарлатанов. Таким образом, научная психология не идет по тому пути, который некогда указал создатель гуманистической психологии А. Маслоу, предлагавший психологической науке осваивать предметные области, традиционно относящиеся к сфере искусства и религии.

Не вызывает энтузиазма предложение превратить психологию в психотехнику, перейти от «исследования психики» к «работе с психикой»: это просто лишит психологию возможности стать в будущем фундаментальной наукой, основой для наук о человеческой психике. Если воспользоваться терминологией К. Д. Ушинского, то в этом случае психология вообще перестанет быть наукой и превратится в искусство. Все же психология, каково бы ни было ее настоящее, вне сомнения является наукой.

В начале XXI столетия стало совершенно ясно, что ни одна из диссоциаций не может быть разрешена «силовым» путем, посредством «логического империализма» одной из «полупсихологий», представляющих «полюса» в той или иной диссоциации. Это отмечают Л. Гарай и М. Кечке: экспансия естественнонаучной логики приводит к тому, что исследование все чаще «будет наткаться на несуразности... Не подает больше надежды также и обратный прием, когда общим знаменателем двух полупсихологий объявляется не позитивистская логика естественных наук, а, согласно новой моде, герменевтическая логика исторических наук. На язык этой последней ничего невозможно перевести из всего богатства открытий, сделанных за долгую историю естественнонаучной психологии, особенно касающихся связи психологических феноменов, с одной стороны, и стратегии живого организма, направленной на его выживание, с другой» [8, с. 90 — 91].

Кажется естественным, что если существуют диссоциации, должен быть «запущен» механизм интеграции для их преодоления. Но, как это убедительно показали еще Л. С. Выготский и С. Л. Рубинштейн, «синтез» разнородного путем механического «сложения» обычно не осуществим: для этого необходимы особые условия. На наш взгляд, к ним в первую очередь относится пересмотр понимания предмета психологической науки, поскольку отмеченные выше диссоциации имеют одну причину — слишком узкое, ограниченное его понимание. Ситуация усугубляется тем, что отечественная психология стремительно меняется, пытаясь ассимилировать достижения зарубежной науки, от которых по известным причинам в течение многих лет была изолирована. Для преодоления кризиса требуется методологическая работа — ее «первым пунктом» должно быть уточнение понимания предмета психологической науки, его неоднородности и многоступенчатости.

В последнее время анализу кризиса в психологии в данном ракурсе уделяется достаточное внимание³. Наиболее интересные выводы содержатся в работе венгерских психологов Л. Гарай и М. Кечке [8], а также в работе А. В. Юревича [33] — одной из немногих специальных исследований по данной проблеме.

А. В. Юревич справедливо указывает, что возлагавшиеся в 70-е гг. XX века большие надежды на появление универсальной теории, принимаемой всеми психологами и призванной объединить психологическую науку, не оправдались: психология сегодня еще более мозаична и непохожа на естественные науки, чем раньше.

Он четко определяет симптомы кризиса: 1) отсутствие единой науки, дефицит устойчивого знания, обилие альтернативных моделей понимания и изучения психического; 2) углубляющийся раскол между исследовательской и практической психологией; 3) конкуренция со стороны паранауки, возникновение пограничных между наукой и не-наукой систем знания. «В этой дисциплине отсутствуют общие правила построения и верификации знания; различные психологические школы или, как их называл А. Маслоу, «силы» представляют собой «государства в государстве», которые не имеют ничего общего, кроме границ; психологические теории даже не конфликтуют, а, как и парадигмы Т. Куна, несоизмеримы друг с другом; то, что считается фактами в рамках одних концепций, не признается другими; отсутствует сколь либо осязаемый прогресс в развитии психологической науки, ибо обрастание психологических категорий взаимно противоречивыми представлениями трудно считать прогрессом, и т.д.» [33, с. 4].

Автор несомненно прав, когда утверждает, что неудачные попытки походить на естественные науки вызвали стремление обосновать исключительное положение психологии. Самоопределение психологии чаще всего осуществляется при помощи куновского понятия «парадигма». А. В. Юревич анализирует различные позиции относительно методологического статуса психологии и приходит к выводу о том, что их можно представить следующим образом: 1) психология представляет собой допарадигмальную область знания; 2) психология является мультипарадигмальной наукой; 3) психология — внепарадигмальная область знания. По его мнению, преобладающее сейчас определение методологического статуса психологии на основе третьей позиции позволяет психологии преодолеть комплекс непохожести на точные науки.

Главную причину кризиса психологии автор видит в общем кризисе рационализма, охватившем всю западную цивилизацию. «В условиях общего кризиса рационализма границы между научной психологией и системами знания (или заблуждений), которые еще недавно считались несовместимыми с наукой, уже не являются непроницаемыми» [там же, с. 9].

³ См. работу В. А. Мазилова «Методология психологической науки». Ярославль, 2003, где дается анализ истории вопроса и рассматриваются работы по проблеме, появившиеся в последние годы.

Используя важные понятия «социодигмы» и «метади́гмы», А. В. Юревич пишет: «Исследовательская же и практическая психология, обладая всеми различиями, характерными для разных парадигм, развиваются к тому же различными сообществами, и поэтому их следовало бы обозначить не как конкурирующие парадигмы, а как различные социодигмы» [там же, с. 7]. Метади́гмы связаны с выделением таких систем отношения к миру, как западная наука, традиционная восточная наука, религия и т.д.; они опираются на различные типы рациональности. «Эти системы носят более общий характер, чем парадигмы и даже социодигмы, и, развивая данную терминологию, их можно назвать метади́гмами, отведя им соответствующее место в иерархии когнитивных систем» [там же, с. 9]. Наука, согласно А. В. Юревичу, зависима от общества не только социально, но и когнитивно, впитывая и включая в состав научного знания порожденные другими метади́гмами и распространенные в обществе представления (см. таблицу).

Не вдаваясь в дальнейшее обсуждение этой оригинальной и интересной работы, отметим, что не со всеми ее положениями можно согласиться.

Несомненно, что кризис психологии может быть преодолен только целенаправленной совместной работой психологического сообщества, т.е. социальным путем. Но его первопричина лежит, по нашему мнению, именно в когнитивной плоскости и заключается в неадекватном понимании психологической наукой своего предмета.

Предмет психологии: необходимость «нового взгляда»

Определение предмета психологии осуществляет ряд важных функций. Во-первых, оно должно выполнять роль «операционального стола», который бы позволял реально соотносить результаты исследований, проводимых в рамках разных подходов и научных школ. Во-вторых, не должно быть «искусственно» сконструированным, а существовать реально и указывать на предмет науки в подлинном смысле слова. В-третьих, ему следует быть внутренне достаточно сложным, чтобы содержать в себе сущностное, позволяющее выявлять собственные законы существования и развития; такое определение по сути не сводит внутренне «простое» психическое к чему-то внешнеположному, делая неизбежной его редукцию. Отсюда следует необходимость теоретических исследований в области предмета психологии, т.е. речь идет о содержательной методологии психологической науки [39]. Заметим, что в отечественной психологии существовала традиция именно содержательной методологии на исторической основе (Н. Н. Ланге, В. Н. Ивановский, Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн, а в более поздний период эти проблемы интенсивно разрабатывались К. А. Абульханова [1], А. В. Брушлинский [4], Б. Ф. Ломов [17] и др.). В-четвертых, понимание предмета должно позволять разрабатывать науку по собственной логике, не сводя развертывание психологических содержаний к чуждой для психологии логике естественного или герменевтического знания.

Можно продолжать, поскольку будут и «в-пятых», и «в-шестых». В целом в начале XXI века понимание предмета, которое сложилось в современной научной психологии, является многоступенчатым («декларируемый», «рационализированный», «реальный»), что не позволяет сколько-нибудь удовлетворительно решить стоящие перед наукой задачи. Важно и другое: «закрывая» эту проблему (как часто это и происходит), мы лишаемся надежды на установление какого-либо взаимопонимания в психологии. Корни такого положения можно усмотреть в истории выделения психологии в самостоятельную научную дисциплину, но не только в истории [18].

Для иллюстрации сложившегося положения воспользуемся работой классика психологии XX столетия Ж. Пиаже. В главе, посвященной проблеме объяснения в психологии, он замечает: «В самом деле, поразительно, с какой неосторожностью многие крупные психологи пользуются физическими понятиями, когда говорят о сознании. Жане употреблял выражения «сила синтеза» и «психологическая сила». Выражение «психическая энергия» стало широко распространенным, а выражение «работа» даже избитым. Итак, одно из двух: либо при этом в скрытой форме подразумевают физиологию и остается только уточнять, а вернее, измерять, либо говорят о сознании и прибегают к метафоре из-за отсутствия всякого определения этих понятий, сопоставимого с понятиями, которыми пользуются в сфере физических законов и физической причинности. В самом деле, все эти понятия, прямо или косвенно предполагают понятие массы или субстанции, которое лишено всякого смысла в сфере сознания...

Таблица. Общие типы когнитивных систем (А. В. Юревич [33])

Когнитивные системы	Примеры	Конституирующие признаки
Метатеории	Когнитивизм, бихевиоризм, психоанализ	Объяснение психологической реальности, способы ее исследования
Парадигмы	Позитивистская и гуманистическая психология	Модели человека, подходы к его изучению
Социодигмы	Исследовательская и практическая психология	Различные внутридисциплинарные сообщества
Метадигмы	Западная наука, восточная наука, паранаука, религия	Типы рациональности

Понятие причинности не применимо к сознанию. Это понятие применимо, разумеется, к поведению и даже к деятельности; отсюда и разные типы причинного объяснения, которые мы различаем. Но оно не «подведомственно» сфере сознания как такового, ибо одно состояние сознания не является «причиной» другого состояния сознания, но вызывает его согласно другим категориям... Трудности теории взаимодействия возникают именно от того, что она пытается распространить сферу действия причинности на само сознание» [20, с. 190]. А это означает, что реальный предмет оказывается «разорванным» между двумя сферами, поэтому не стоит удивляться, что «одушевляющая связь» (Гете) также разрывается и «подслушать жизнь» (как всегда и бывает в таких случаях) не удастся. Остается заботиться о том, чтобы психическое в очередной раз не оказалось эпифеноменом: «Все это поднимает, следовательно, серьезную проблему, и для того, чтобы решение, состоящее в признании существования двух «параллельных» или изоморфных рядов, действительно могло удовлетворить нашу потребность в объяснении, хотелось бы, чтобы ни один из этих рядов не утратил всего своего функционального значения, а, напротив, чтобы стало понятным по крайней мере, чем эти разнородные ряды, не имеющие друг с другом причинного взаимодействия, тем не менее дополняют друг друга» [там же, с. 189].

Психическое и физиологическое оказываются разорванными, разнесенными также и в современной психологии. Разрыв между ними таков, что делает первое безжизненным, лишенным самодвижения (в силу постулируемой простоты психического). В современной науке научились противостоять такому искушению. Поэтому психическое подлежит «объяснению» за счет апелляции к «организмическому» или «социальному», разница между ними принципиального значения в данном случае не имеет. Иначе при этой логике и быть не может — ведь предполагается, что предмет «внутренне простой»!

Но это — роковая ошибка, ведь на самом деле психическое существует объективно (как это убедительно показано еще К. Г. Юнгом), имеет собственную логику движения. Поэтому известное правило Э. Шпрангера «*psychologica — psychological*» (объяснять психическое через психическое) в чем-то обоснованно: если психическое имеет свою логику движения, то объяснение должно происходить «в пределах психологии» (для того, чтобы сохранить свою качественную специфику). Все трудности, которые зафиксированы в работе Ж. Пиаже, имеют общее «происхождение»: современная научная психология неудачно определяет свой предмет.

Отечественная история убедительно свидетельствует, что нашему национальному характеру важно сформулировать «вечные» вопросы: «Кто виноват?», «Что делать?» и «С чего начать?». Правда, история не менее убедительна и в следующем: получить ответы на

эти вопросы для нас почему-то куда менее важно, чем их задать. Сделаем это и обсудим возможные варианты ответов.

На первый вопрос возможен точный и однозначный ответ в «общем виде»: виновата та логика, которую использовали для становления и первоначального развития научной психологии. Психология, как хорошо известно, стала выделяться из философии значительно позднее других научных дисциплин. При ее становлении были опробованы пути, которыми шли естественные науки. В историческом аспекте многократно и обстоятельно проанализирована роль Декарта и Локка в формировании основ психологии нового времени [11, 21 — 23 и др.]. Вместе с тем представляется, что в становлении конкретного облика научной психологии несколько недооценено влияние Канта. Обычно полагают, что роль кантианства состоит в критике рациональной психологии и метода интроспекции.

М. Дессуар справедливо замечает, что «фигура Канта не представляется историку психологии такой значительной и возвышающейся над всеми другими как историку каждой другой философской дисциплины» [11, с. 115]. И. Кант, разумеется, не был психологом. Вместе с тем, по-видимому, нельзя утверждать, что «система Канта глубоко антипсихологична» [21, с. 66]. Кант был одним из первых методологов психологии, его методология (в этом проявились особенности самого Канта как мыслителя) приняла форму критики рациональной психологии, которая в известной мере предопределила дальнейшее развитие психологии как эмпирической науки. Он писал: «Рациональная психология как доктрина, расширяющая наше самопознание, не существует; она возможна только как дисциплина, устанавливающая спекулятивному разуму в этой области ненарушение границы, с одной стороны, чтобы мы не бросились в объятия бездушного материализма, а с другой стороны, чтобы мы не заблудились в спиритуализме, лишенном основания в нашей жизни...» [14, с. 382]. В другой работе Кант настаивает на необходимости различения Я как субъекта и Я как объекта. «О Я в первом значении (о субъекте апперцепции), о логическом Я как априорном представлении, больше решительно ничего нельзя узнать — ни что оно за сущность, ни какой оно природы... Я во втором значении (как субъект перцепции), психологическое Я как эмпирическое сознание, доступно разнообразному познанию...» [15, с. 191 — 192].

Кант следующим образом рисует перспективы эмпирической психологии: «Подтверждением и примером этого может служить всякое внутреннее, психологическое наблюдение, сделанное нами; для этого требуется, хотя это связано с некоторыми трудностями, воздействовать на внутреннее чувство посредством внимания (ведь мысли, как фактические определения способности представления, также входят в эмпирическое представление о нашем состоянии), чтобы получить прежде всего в созерцании самого себя знание о том, что дает нам внутреннее чувство; это созерцание дает нам представление о нас самих, как мы себе являемся; логическое же Я хотя и указывает субъект существующим сам по себе в чистом сознании, не как восприимчивость, а как чистую спонтанность, но не способно ни к какому познанию своей природы» [там же, с. 192].

Нельзя пройти мимо одного замечания Канта, имевшего для будущего психологии несомненное методологическое значение. В предисловии к «Антропологии» (1798) он отмечает, что «учение, касающееся знания человека и изложенное в систематическом виде (антропология), может быть представлено с точки зрения или физиологической, или прагматической» [там же, с. 351]. Фактически, здесь речь идет об основаниях эмпирической науки. Хотя о связи психологии и физиологии мозга говорили многие, именно Кант дал ясное обоснование возможности выделения научной дисциплины. И.

Герbart в своей «Психологии» рассмотрел такую возможность, но отверг ее, ибо физиология в начале XIX столетия не располагала необходимыми данными. И хотя Кант строит свою антропологию как прагматическую, возможность систематического ее изложения (и, следовательно, психологии как частной науки, раздела антропологии) с точки зрения физиологической остается освященной кантовским авторитетом. Психология (эмпирическая) могла рассматриваться (и рассматривалась Кантом) как часть антропологии, а, следовательно, «перенос» «логики обоснования» на психологию является достаточно правомерным. Именно эту возможность использовал в свое время Вундт, который сознательно решал задачу выделения физиологической психологии как самостоятельной научной дисциплины; в этом отношении современная научная психология является ее «законной наследницей».

Можно полагать, что кантовские слова представлялись психологам следующих поколений обязательным методологическим требованием к психологии, если она захочет быть наукой. Действительно, многие психологи принимали кантовский «вызов», стараясь с удивительным упорством решать именно эти две задачи: экспериментировать и вычислять. Кант пишет в «Метафизических началах естествознания» (1786): «эмпирическое учение о душе должно всегда оставаться далеким от ранга науки о природе в собственном смысле, прежде всего потому, что математика неприменима к явлениям внутреннего чувства и к их законам... Но даже в качестве систематического искусства анализа или в качестве экспериментального учения учение о душе не может когда-либо приблизиться к химии, поскольку многообразие внутреннего наблюдения может здесь быть расчленено лишь мысленно и никогда не способно сохраняться в виде обособленных [элементов], вновь соединяемых по усмотрению; еще менее поддается нашим заранее намеченным опытам другой мыслящий субъект, не говоря уже о том, что наблюдение само по себе изменяет и искажает состояние наблюдаемого предмета. Учение о душе никогда не может поэтому стать чем-то большим, чем историческое учение и — как таковое в меру возможности — систематическое учение о природе внутреннего чувства, т.е. описание природы души, но не наукой о душе, даже не психологическим экспериментальным учением» [15, с. 60].

Опираясь именно на такого рода суждения, М. Дессуар писал: «Психология никогда не станет наукой в собственном смысле слова, т.к. нельзя ни приложить математику к явлениям и процессам сознания, ни воздействовать экспериментально на душу других» [11, с. 126]. Все же есть основания говорить о своего рода «двойной программе» И. Канта применительно к психологии. Первая программа — его критика возможности психологии стать естественной наукой, содержащая формулировку условий, при которых она может приблизиться к идеалу таковой науки, вторая — обоснование психологии посредством физиологии. Эта двойная программа составила методологическую задачу, над которой трудились несколько поколений психологов XIX столетия, поскольку кроме критики она содержала и «положительный» эскиз научной эмпирической психологии. В. Вундт, осуществляя историческую миссию выделения психологии из философии, твердо следовал именно кантовской «программе».

В. Дильтей, шедший скорее за Гегелем, нежели за Кантом, реализовал другую логику, поскольку в гегелевском подходе кроме историзма присутствовала идея целостности. Поэтому и Brentano протестовал главным образом против «атомизма» вундтовской психологии, а Дильтей против ее конструктивизма. Они очень хорошо понимали, что к такому сложному феномену, каковым является психика, возможны различные подходы. Поэтому ни Brentano, ни Дильтей вовсе не были «радикалами», «ниспровергателями», требовавшими замены одной психологии на другую (к примеру, Дильтей признавал сосуществование объяснительной и описательной психологии).

Очень важен другой аспект проблемы: какая психология окажется общей психологией? Л. С. Выготский свое знаменитое методологическое исследование начинает с обсуждения именно этого вопроса. Важность этого прекрасно понимал и Н. Н. Ланге — кризис для него означал отсутствие общей науки: «Ныне общей, то есть общепризнанной, системы в нашей науке не существует» [16, с. 72].

Отвечая на вопрос «Что делать?», надо учитывать: представители других дисциплин обвиняют современную психологию в постыдном равнодушии к собственной судьбе: «Поражает какая-то принципиальная узость в обсуждении психологических концепций, идей, подходов(конечно, когда такие обсуждения вообще бывают). Складывается впечатление, что психология не только глубоко равнодушна к общей методологии и философии науки, но и остальной науке вообще. Она не только не смотрит в зеркало методологии и философии, она не хочет вообще смотреться ни в какие «зеркала» других научных дисциплин, соотносить себя с общенаучным движением и развитием научной мысли XX в. Наука, которая одним из своих разделов считает учение о рефлексии, кажется полностью отказывается от попыток отразить свои основания, методы, программы и результаты» [21, с. 25]. К сожалению, в этих словах очень много правды.

Ответ на вопрос «Что делать?» Л. С. Выготский дал еще в 1927 году: разрабатывать методологию. В противном случае результаты огромного количества эмпирических исследований, проводимых в психологии, рискуют превратиться из «Монблана фактов» в «кучу сырого фактического материала». Л. С. Выготский в свое время заметил: «Какая будет эта методология и скоро ли она будет, мы не знаем...» [3, с. 422 — 423]. Трудно дать точный ответ и много лет спустя, можно лишь высказать предварительные соображения на этот счет.

В последние годы заметно стремление некоторых психологов свести методологию психологии к описанию конкретных процедур планирования, проведения эмпирического исследования и статистической обработки полученных результатов. Под эмпирическим исследованием имеются в виду преимущественно эксперимент и квазиэксперимент. В результате методология психологии как науки оказывается методологией экспериментальной психологии. Признавая ведущую роль эксперимента в современной психологической науке, мы, тем не менее, не склонны соглашаться с подобной трактовкой.

Возражения против такого понимания методологии коренятся в глубоком убеждении, что психология не может столь безоговорочно принимать модель, сформировавшуюся в естественных науках. По сути, сведение методологии к чисто техническим вопросам планирования и осуществления экспериментального исследования (при всей их несомненной важности) на деле означает признание «окончательной решенной?» проблемы предмета научной психологии и фактический отказ не только от дальнейшего ее исследования, но и от ее обсуждения. Такая позиция представляется ошибочной. Нельзя исключить и того, что научная психология еще не нашла своего подлинного предмета. Поскольку такая вероятность существует, первая задача методологии состоит в научной проработке комплекса проблем, связанных с исследованиями, в том числе и теоретическими (что в современной психологии, будем честными, большая редкость), по предмету психологии.

Это, по-видимому, должна быть методология на исторической основе, плюралистическая, свободная от идеологии, ориентированная не только на задачи познания, но и на практику. В ней должны быть представлены познавательный, коммуникативный и практический блоки (см. подробнее [18, 39]).

Важно, чтобы методология давала возможность максимально широкого понимания предмета. Это необходимо в первую очередь для того, чтобы появилась возможность реального, а не декларативного соотнесения результатов исследований, полученных при разных подходах.

В настоящее время в исследованиях, выполненных в расходящихся методологических традициях, психологи склонны видеть все что угодно, только не методологические открытия. История психологии дает множество свидетельств, что за работами А. Адлера, К. Г. Юнга, А. Маслоу и др. современники с готовностью и с легкостью признают те или иные конкретные достижения, но «ростков» новой методологии они стараются «не замечать». Методологии, которая жизненно необходима нашей науке, ибо без нее невозможно приблизиться к решению проблемы соотношения психологической науки и жизни, поставленной В. Дильтеем в конце позапрошлого столетия. Проблема до сих пор не решена, хотя сейчас, в начале XXI века, это одно из основных условий существования научной психологии.

Перспектива интеграции психологического знания

Наконец, на вопрос «С чего начать?» ответ будет следующим: с разработки нового подхода к предмету психологической науки, с нахождения в истории психологии образцов такого его понимания, которые в большей мере будут соответствовать задачам сегодняшнего дня.

В начале XXI столетия стало очевидно, что современной психологии предстоит проделать «работу понимания», обращенную на свой предмет. Как справедливо указывает В. В. Знаков, «проблема понимания оказывается как бы на стыке двух направлений в науке: анализа гносеологического отношения ученого к объекту познания и изучения методологических принципов отдельных наук, определяющих своеобразие присущих каждой из них способов понимания предмета исследования» [13, с. 35 — 36]. Второе направление имеет сегодня для научной психологии первоочередную значимость. Нельзя не согласиться также с тем, что понимание является необходимым условием коммуникации ученых [там же, с. 35]. Обратив внимание на проблему предмета, можно осуществить следующий шаг: разработку новой методологии психологии, которая была бы ориентирована не только на познание, но и на коммуникацию, и на практику (о познавательной, коммуникативной и практической методологии см. подробнее [39]).

Выше уже упоминалось, что сложившееся понимание предмета психологии, конечно, достаточно для продолжения исследований в рамках традиционно сложившихся подходов, школ и научных направлений, но оно принципиально недостаточно для выхода за их «пределы». Особенно стоит подчеркнуть, что такое традиционное понимание практически делает невозможным осуществление интеграции.

Основные характеристики нового понимания предмета «негативно» заданы, т.к. они вытекают из сформулированных выше недостатков традиционного понимания. Но на вопрос, каким оно должно быть позволяет ответить история психологической мысли, где можно увидеть несколько подходов, которые приблизились к такому пониманию. Несомненно, одним из наиболее разработанных вариантов нетрадиционного понимания предмета является подход, сформулированный в аналитической психологии К. Г. Юнга [30 — 32, 34, 36, 5] и др.

Прежде всего должна быть отмечена его попытка вернуть в науку психическое как реальность. «Чтобы правильно понять теорию Юнга, мы должны прежде всего принять

его точку зрения, согласно которой все психические явления совершенно реальны. Как ни странно, эта точка зрения относительно нова» [34, с. 388]. Магия психической реальности оказалась настолько сильной, что переводчик книги на русский язык И. Якоби интерпретирует юнговский термин *Psyche* (психе, психика) как психическую субстанцию, хотя у Юнга речь об этом все же не идет [34].

Трактовка психического как реальности, несомненно существующей и составляющей предмет изучения психологии, очень важна. Согласно Юнгу, «психическая субстанция (психика — В. М.) так же реальна, как и тело. Будучи неосязаемой, она, тем не менее, непосредственно переживается; ее проявления можно наблюдать. Психическая субстанция — это особый мир со своими законами, структурой и средствами выражения» [там же, с. 388]. Именно поэтому К. Г. Юнг отказывается от попыток соотношения психического и физиологического, психического и биологического для того, чтобы сосредоточиться на исследовании психики как таковой. «Я посоветовал бы ограничиться психологической областью без каких либо допущений о природе биологических процессов, лежащих в их основании. Вероятно, придет день, когда биолог и не только он, но и физиолог протянут руку психологу и встретятся с ним в туннеле, который они взялись копать с разных сторон горы неизвестного» [31, с. 91]. «Психика вполне заслуживает того, чтобы к ней относились как к самостоятельному феномену; нет оснований считать ее эпифеноменом, хотя она может зависеть от работы мозга. Это было бы так же неверно, как считать жизнь эпифеноменом химии углеродных соединений» [36, р. 8].

Согласно этой логике, психология обретает свой собственный предмет (психика для Юнга — не свойство другой вещи!), а именно то, что реально может исследоваться с помощью вполне «рациональных» методов. Другое дело, что эти методы не похожи на традиционные процедуры расчленения содержаний сознания на элементы (достаточно сравнить амплификативный метод Юнга и традиционную интроспекцию). «С помощью своего основного определения психики как «целокупности всех психических процессов, сознательных и бессознательных», Юнг намеревался очертить зону интересов аналитической психологии, которая отличалась бы от философии, биологии, теологии и психологии, ограниченных изучением либо инстинкта, либо поведения. Отчасти тавтологический характер определения подчеркивает обособление проблемы психологичностью исследования» [24, с. 116].

Таким образом, психология возвращается к соблюдению знаменитого шпрангеровского «*psychologica — psychological*» — требования объяснять психическое психическим. Принципиально важно утверждение об объективности психического: психика «феномен, а не произвол... Психология должна ограничиваться естественной феноменологией, раз уж ей не велено вторгаться в другие области. Констатация психической феноменологии вовсе не такая простая вещь, как о том свидетельствует наш пример этой общераспространенной иллюзии произвольности психического процесса... Сама психика преэксистентна и трансцендентна по отношению к сознанию» [31, с. 100 — 101]. Трудно переоценить значение осуществленного Юнгом отказа от понимания психического как механизма, состоящего из постоянных элементов. Взгляд на психологию радикально изменится, если мы «постараемся рассматривать душу (психе — В. М.) не как твердую и неизменную систему, а как подвижную и текучую деятельность, которая изменяется с калейдоскопической быстротой...» [32, с. 33 — 34].

Юнговская психология предпочитает работать с целостностями: «Аналитическая или, как ее еще называют, комплексная психология отличается от экспериментальной психологии тем, что не пытается изолировать отдельные функции (функции восприятия,

эмоциональные явления, процессы мышления и т.д.), а также подчинить условия эксперимента исследовательским целям; напротив, она занята естественно происходящим и целостным психическим явлением, т.е. максимально комплексным образованием, даже если оно может быть разложено на более простые, частичные комплексы путем критического исследования. Однако эти части все-таки очень сложны и представляют собой в общем и целом темные для познания предметы. Отвага нашей психологии — оперировать такими неизвестными величинами была бы заносчивостью, если бы высшая необходимость не требовала существования такой психологии и не подавала ей руку помощи» [31, с. 101]. Обращение к анализу сложнейших психических феноменов, как считает Юнг, требует изменения и методов исследования: «Отличие аналитической психологии от любого прежнего воззрения состоит в том, что она не пренебрегает иметь дело с наисложнейшими и очень запутанными процессами. Другое отличие заключается в методике и способе работы нашей науки. У нас нет лаборатории со сложной аппаратурой. Наша лаборатория — это мир. Наши опыты — это действительно события каждодневной человеческой жизни, а испытуемые — наши пациенты, ученики, приверженцы и враги и, last not least, мы сами» [там же, с. 102].

Значимые для определения предмета психологии основные положения юнговской «общей психологии» таковы: 1) психическое — далеко не гомогенное образование; напротив, это кипящий котел противоположных импульсов, запретов, аффектов и т.д.; 2) психическое — чрезвычайно сложное явление, поэтому на современном этапе исчерпывающая его теория невозможна; 3) психическое имеет свою структуру, динамику, что позволяет описывать и изучать собственно психологические законы; 4) источник движения психики — в самой психике; она сложна, поэтому психология вполне может обойтись без той или иной формы редукции психического; 5) можно говорить о психической энергии; 6) психическое представляет собой целостность; 7) объяснение психического не сводится лишь к причинному объяснению (синхронистичность как акаузальный принцип); 8) в психологии разработаны свои, особые методы (например, синтетический, амплификации и т.д.); 9) важная роль отводится построению типологий, позволяющих сохранять «специфику» рассматриваемых явлений; 10) теория скорее инструмент анализа, чем формализованная система (иными словами, в этом случае возможно достижение единства теории и метода).

Как легко увидеть, понимание предмета у Юнга таково, что позволяет избежать «диссоциаций», неизбежных при «узкой» его трактовке. Хотелось бы специально подчеркнуть: сам Юнг хорошо понимал, что он создает основы новой психологии, даже новой общей психологии (в смысле Л. С. Выготского), а не разрабатывает частные вопросы. Он писал: «Свои суждения и концепции я рассматриваю как опыт построения новой научной психологии, основанной прежде всего на непосредственном опыте общения с людьми. Мое учение нельзя назвать разновидностью психопатологии; это скорее общая психология с элементами патологии» [30, с. 387].

Разумеется, дело не в том, чтобы «заменить» традиционное представление о предмете, сформировавшееся в академической науке, парадигмой аналитической психологии, «заставить» развивать идеи К. Г. Юнга. Эти положения приведены лишь для того, чтобы показать принципиальную возможность иного понимания предмета психологической науки. Разрабатывать ее методологию — да и создавать теорию психического в современной психологии — нам в XXI веке предстоит самостоятельно.

На пути к новому психологизму

Пример аналитической психологии был приведен лишь для иллюстрации того, что психология вполне может отказаться от некоторых допущений, недостаточная

продуктивность и перспективность которых вполне доказана исторически. Можно найти и другие попытки преодолеть названные выше «конструктивные дефекты» традиционной трактовки предмета (достаточно вспомнить работы Л. С. Выготского). Представляется, что новое понимание указанного предмета откроет богатые перспективы. Такое понимание станет также основой для разработки методологии психологии: содержательной, на исторической основе, допускающей плюрализм, деидеологизированной, ориентированной не только на исследование, но и на практику. Принципиально важно, что в психологии возникнет возможность отказаться, наконец, от воспроизведения либо естественнонаучных, либо герменевтических логических схем и пойти по собственному пути (в соответствии с реальной сложностью собственного предмета). В этом случае науки о психическом составят особый класс научных дисциплин со своей логикой и своими методами, а внутри психологии окажется возможным соотнести достижения естественнонаучной психологии, с одной стороны, и понимающей, герменевтической, гуманистической, трансперсональной психологии — с другой. Именно для этого необходима новая коммуникативная методология психологии [39].

В классификации наук О. Конта психологии, как известно, места не нашлось. Отец позитивизма полагал, что психология не стала еще положительной наукой, а находится (согласно закону трех стадий) на метафизической ступени. Для первой половины XIX столетия эта констатация была в целом справедливой, хотя попытка заменить психологию френологией уже современниками воспринималась как курьез. С тех пор многое изменилось: психология выделилась в самостоятельную науку, в значительной степени стала «положительной». Классификации наук в двадцатом столетии составлялись неоднократно. При этом почти все авторы недвусмысленно указывали на особое, центральное положение психологии среди других наук. Многие известные психологи высказывали мысли о том, что психология в будущем займет ведущее место в структуре человеческого знания, что психологическое знание должно явиться основой для наук о духе и т.п.

Сегодня, когда мы вступили в XXI век, приходится констатировать, что эти прогнозы и надежды в целом не оправдались: статус психологии вовсе не так высок, а ее влияние на другие дисциплины не так сильно, как это следует из определения психологии как науки, имеющей особое положение среди других.

Научная психология на рубеже третьего тысячелетия должна создать новую методологию. Цели психологии были хорошо известны еще Иоганну Гербарту, первому ученому, стремившемуся сделать ее подлинной наукой, который писал, «что психология не должна превращаться в художественное описание. Она должна не удивлять, но объяснять, не показывать редкости, но сделать для всех понятным человека, каков он есть, не вознося его на небеса и не приковывая совершенно к земле, и не замечать пути своего исследования, но открывать его» [9, с. 103].

Книга, из которой взяты эти слова, появилась в русском переводе 110 лет тому назад. Намеченная в них перспектива актуальна и в новом тысячелетии.

Вероятно, тогда сбудутся пророчества, высказываемые не только великими психологами, но и представителями других наук, согласно которым психология занимает особое положение и действительно может послужить основой для наук о духе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова К. А. О субъекте психической деятельности: Методологические проблемы психологии. М.: Наука, 1973.
2. Абульханова К. А. Российский менталитет // Человек. Власть. Общество: Материалы Азиатско-Тихоокеанского Международного конгресса психологов. 21 — 24 мая 1998 года. Хабаровск: Дальний Восток, 1998. С. 6 — 8.
3. Брендано Ф. Избранные работы. М.: Дом интеллектуальной книги; Русское феноменологическое общество, 1996. С. 176.
4. Брушлинский А. В. Психология субъекта. М.: ИП РАН, СПб: Алетейя, 2003.
5. Брушлинский А. В. Жизнь и творчество Карла Густава Юнга // Юнг К. Г. Структура психики и процесс индивидуации. М.: Наука, 1996. С. 252 — 260.
6. Василюк Ф. Е. Методологический смысл психологического схизиса // Вопросы психологии. N 6. 1996. С. 25 — 40.
7. Выготский Л. С. Собрание сочинений. М.: Педагогика, 1982. Т. 1.
8. Гараи Л., Кечке М. Еще один кризис в психологии! // Вопросы философии. N 4. 1997. С. 86 — 96.
9. Герbart И. Ф. Психология. С. -Петербург: Пантеон литературы, 1895. С. 278.
10. Давыдов В. В. Исчерпала ли себя естественнонаучная парадигма в психологии? // Вопросы психологии. 1997. N 3. С. 127 — 128.
11. Дессуар М. Очерк истории психологии. С. -Пб.: Книгоизд. О. Богдановой, 1912.
12. Зинченко В. П. Методология или «охранная грамота»? // Вопросы психологии. 1997. N 3. С. 129 — 131.
13. Знаков В. В. Понимание в познании и общении. М.: ИП РАН, 1994.
14. Кант И. Сочинения в 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 3.
15. Кант И. Сочинения в 6 т. М.: Мысль, 1966. Т. 6.
16. Ланге Н. Н. Психический мир: Избранные психологические труды / Под ред. М. Г. Ярошевского. М.; Воронеж: НПО Модэк, 1996.
17. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
18. Мазилев В. А. Теория и метод в психологии. Ярославль: МАПН, 1998.
19. От редколлегии // Вопросы психологии. 1997. N 3. С. 125 — 126.
20. Пиаже Ж. Характер объяснения в психологии и психофизиологический параллелизм // Фресс П., Пиаже Ж. Экспериментальная психология. 2. М.: Прогресс, 1966. Вып. 1, 2. С. 157 — 194.
21. Психология и новые идеалы научности: материалы «круглого стола» // Вопросы философии. N 5. 1993. С. 3 — 42.
22. Рубинштейн С. Л. Философские корни экспериментальной психологии // Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973. С. 68 — 90.
23. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М.: Гос. уч. -пед. изд. -во мин. проев. РСФСР, 1946.
24. Сэмьюэлз Э., Шортер Б., Плот Ф. Критический словарь аналитической психологии К. Юнга. М.: ЭСИ, 1994.
25. Тихомиров О. К. Понятия и принципы общей психологии. М.: МГУ, 1992.
26. Философия и методология науки / Под ред. В. И. Купцова. М.: Аспект-Пресс, 1996.
27. Хомская Е. Д. О методологических проблемах современной психологии // Вопросы психологии. 1997. N3. С. 112 — 125.
28. Чуприкова НИ. Какой должна быть сегодня научная психология? // Вопросы психологии. 1997. N 3. С. 126 — 127.
29. Шульц Д. П., Шульц С. Э. История современной психологии. СПб: Евразия, 1998.
30. Юнг К. Г. Дух и жизнь. М.: Практика, 1996.
31. Юнг К. Г. Конфликты детской души. М.: Канон, 1995.
32. Юнг К. Г. Божественный ребенок. М.: Олимп, 1997.

33. Юревич А. В. Системный кризис психологии // Вопросы психологии. N 2. 1999. С. 3 — 11.
34. Якоби И. Психологическое учение К. Г. Юнга // Юнг К. Г. Дух и жизнь. М.: Практика, 1996. С. 385 — 534.
35. Buhler K. Die Krise der Psychologie. Jena: Fischer, 1927. XV. 223 S.
36. Cole M. Alexander Luria and the Resolution of the Crisis in Psychology //1 Международная конференция памяти А. Р. Лурии — First International Luria Memorial Conference: Abstracts. Moscow, Russia, September 24 — 26, 1997. М.: MGU. P. 117.
37. Jung C. G. Collected Works. N.Y.; L., 1968. V. 8.
38. Lewin K. The Conflict between Aristotelian and Galilean Modes of Thought in contemporary Psychology // J. Gen. Psychol., 1931. P. 141 — 177.
39. Mazilov V. A. About Methodology of Russian Psychology of Today // Psychological Pulse of modern Russia. М. -Yaroslavl: IAPS, 1997. P. 126 — 135.